

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОПОЛИТОЛОГИИ

УДК 32.001

ЭТНИЧЕСКИЕ ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

А.Г. Большаков

Аннотация

Процесс транзита посткоммунистических стран к демократии/авторитаризму представляет собой крайне запутанный процесс. Транзитологическая парадигма, достаточно успешно объяснившая переход к демократии стран Южной Европы, Латинской Америки, стала испытывать определенные трудности при интерпретации процессов в Центральной и Восточной Европе и особенно в постсоветских государствах. В данной статье возможности и издержки транзитологической парадигмы рассматриваются на примере анализа этнических вооруженных конфликтов в посткоммунистических странах. Особое внимание уделяется исследованию процессов развития и урегулирования конфликтов в регионе Южного Кавказа.

Ключевые слова: автономия, внутренний вооруженный конфликт, демократический транзит, замороженный конфликт, разрешение конфликта, регион, урегулирование конфликта, федерализм, этнический вооруженный конфликт, Южный Кавказ.

В современных дискуссиях о применимости теорий демократического транзита, консолидированной демократии, качества демократии, моральной экономики и т. п. к посткоммунистическим странам существует как минимум две точки зрения по вопросу об их универсальности. Часть исследователей (Т.Л. Карл, Ф. Шмиттер [1] и др.) настаивает на применимости транзитологической парадигмы, сформированной на опыте анализа стран Южной Европы, Латинской Америки, отчасти Центральной и Восточной Европы, признавая при этом определенную специфику посткоммунистических стран. Другая часть (Г. Шопфли, М. Макфол и др. [2, 3]) говорит об исключительности посткоммунистических государств, указывая на целый ряд образовавшихся гибридных режимов и новых автократий. Те и другие исследователи солидарны только в одном выводе: режимный транзит в посткоммунистических странах фактически завершился.

Российские политологи (А. Мельвиль, М. Ильин, Б. Макаренко, А. Никитин, В. Гельман и др. [4–6]) говорят о появлении новых автократий, о транзите

от одной разновидности недемократий к другой, спорят о региональных особенностях режимов в рамках одного национального государства, соглашаются с общей завершенностью транзита. Хотя именно с этим утверждением, на наш взгляд, можно и поспорить. Режимный транзит завершился для консолидированных демократий и автократий, а для гибридных режимов он продолжается, вопрос лишь в его векторной направленности. При этом российские ученые основным предметом своего анализа делают именно страны постсоветского пространства и находятся под впечатлением «авторитарной консолидации» и советизации политического режима в России, проявившейся особенно ярко в 2003–2007 гг. [7].

Представляется, что даже ведущие отечественные специалисты-транзитологи пока мало внимания уделяют существенным различиям, которые сложились между странами Центральной и Восточной Европы, Балтии и большей частью государств постсоветского пространства. Среди стран Центральной и Восточной Европы преобладают новые представительные демократии, для которых характерны лишь локальные рецидивы авторитарности. Гибридные режимы в этом регионе свойственны небольшому количеству стран (Албании, Боснии, Македонии, Сербии, Черногории), автократические политии практически отсутствуют. Среди постсоветских стран лишь Латвия, Литва и Эстония могут быть отнесены к консолидированным демократиям (или приближающимся к таковым), для всех остальных стран характерны гибридные режимы либо автократические¹. Необходимо отметить, что Латвия и Эстония до сих пор осуществляют практики «этнической демократии», что не способствует их демократизации.

В этой связи с методологической точки зрения очень важной является идея о «концептной натяжке» Дж. Сартори, которая в отечественной литературе активно пропагандируется М. Ильиным. Речь идет о том, что универсальные понятия и инструменты исследования (в данном случае парадигма транзита в постсоветских странах) могут не работать на локальном уровне. Концепты режимного транзита были созданы целой группой авторов и опирались в основном на опыт переходного периода в странах Латинской Америки и Южной Европы. Экстраполяция данных наработок даже на территорию стран Центральной и Восточной Европы имела массу издержек, так как любой региональный транзит порождает специфичные явления и процессы. Постсоветские страны, которые совершали транзит практически одновременно со странами Центральной и Восточной Европы, находились в совершенно иных стартовых условиях, обладали очень большими социокультурными и политическими особенностями. Поэтому если и вести речь о применимости парадигмы транзита к постсоветским странам, то эта парадигма должна включать в себя уже наработки по региону Центральной и Восточной Европы и учитывать специфику постсоветских стран, прежде всего склонность большинства данных обществ к авторитарной политической системе.

¹ При этом следует учитывать тот факт, что в данной статье страны Центральной Азии, которые относятся к постсоветским государствам, не являются предметом рассмотрения.

Внутренние вооруженные конфликты

Внутренние вооруженные конфликты, на наш взгляд, могут быть индикатором, демонстрирующим «концептную натяжку» транзитологической парадигмы, теории политического конфликта.

Под понятие «внутренний вооруженный конфликт» попадают далеко не все этнополитические противоборства в посткоммунистических странах. Конфликт в Боснии и Герцеговине интерпретируют чаще как межконфессиональный (хотя его влияние на бывшую Югославию, в том числе ее этническую ситуацию, нельзя недооценивать), этническая напряженность, связанная с проживанием венгерского меньшинства в румынской Трансильвании, или проблема крымских татар на Украине не доросли до ситуации вооруженного противостояния с многочисленными жертвами, конфликты, связанные с политической борьбой, очень часто не являются этническими и т. п. Приднестровский конфликт в Молдавии все же может быть отнесен к этническому вооруженному противоборству, хотя политические факторы в нем доминируют над этническими. В данной статье речь идет об институционально определенных конфликтах, ситуации, подобные этническому геноциду цыган на Юго-Востоке Европы, не рассматриваются.

В посткоммунистических странах, по нашему мнению, существует 4 «зоны» внутренних вооруженных конфликтов.

«Первая зона» – это территория Центральной Европы. Все этнические вооруженные конфликты (албано-македонский, косовский (албано-сербский), сербско-словенский, сербско-хорватский) здесь связаны со странами бывшей Югославии (СФРЮ) и Албанией¹. При определенных обстоятельствах, оговоренных выше, сюда можно отнести и конфликт в Боснии и Герцеговине.

«Вторая зона» – это территория российского приграничья, включающая Украину, Белоруссию, Молдавию. Здесь можно выделить приднестровско-молдавский вооруженный конфликт.

«Третья зона» – это территория Северного Кавказа России². Здесь мы можем говорить о российско-чеченском и осетино-ингушском внутренних вооруженных конфликтах.

«Четвертая зона» – это территория Южного Кавказа. Все три новые посткоммунистические страны – Азербайджан, Армения, Грузия – вовлечены в этнические вооруженные конфликты: абхазо-грузинский, грузино-осетинский, армяно-азербайджанский.

Таким образом, можно говорить об 11 этнических внутренних вооруженных конфликтах на посткоммунистическом пространстве. Три последние «зоны» – это территории постсоветских стран, и процессы развития и урегулирования вооруженных конфликтов в них обнаруживают сходство по многим параметрам.

¹ Многие конфликтологи возражают против наименования политического конфликта по арене его протекания, более продуктивными являются названия, включающие основных субъектов данного конфликта, например, «албано-сербский», «абхазо-грузинский» или даже «грузино-осетинско-российско-американско-европейский политический конфликт», хотя последний теоретический конструкт неудобен с лингвистической точки зрения и достаточно громоздок.

² Северный Кавказ является частью Российской Федерации, Южный Кавказ можно отнести к европейской периферии.

Этнические вооруженные конфликты в посткоммунистических странах возникли в результате процессов распада двух номинальных федераций (СССР и СФРЮ). Распад третьей «социалистической федерации», Чехословакии, прошел относительно бесконфликтно и привел к образованию двух новых государств – Чехии и Словакии. Общим при распаде СФРЮ и СССР было и то, что они базировались на коммунистических режимах и крушение единства в компартиях данных государств привело и к распаду государства. При этом нужно иметь в виду, что тоталитарный и посттоталитарный режим в СССР был более жестким, чем «самоуправленческий социализм» в Югославии, при этом этнические и федеративные проблемы решались примерно одинаково. Для понимания «стартовых условий» транзита важно то, что федерация в СФРЮ стала распадаться в связи с реакцией ряда ее частей на усиление доминирования Сербии, а в Советском Союзе факторами распада стали сепаратизм шести союзных республик и политическая борьба руководства РСФСР, УССР, БССР с союзным центром.

В странах Центральной Европы в настоящее время все конфликты урегулированы¹, нет ни одного столкновения, находящегося на стадии вооруженного противостояния, в каждом случае мы видим политическое решение противоборства (при этом нужно иметь в виду, что некоторые конфликты могут снова перейти в вооруженную стадию: речь идет не только о территории Косово, но и о во многом искусственном государственном образовании – Боснии и Герцеговине). Урегулирование происходило или в результате военной победы одной из сторон и последующих переговоров, либо под давлением военной силы НАТО, США и их европейских союзников. Урегулирование ситуации достигалось при помощи военных поставок или даже прямого военного воздействия (бомбардировки авиации НАТО) с последующим этническим или конфессиональным разделением.

Югославский кризис считался региональным европейским конфликтом, поэтому посредническую роль в нем на начальном этапе пытались играть европейские организации: Европейское сообщество (с 1992 г. – Европейский союз) и в меньшей степени Совецание по безопасности и сотрудничеству в Европе (с 1995 г. – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе). Обе эти организации не имели ни опыта миротворчества, ни механизмов, с помощью которых можно было выполнять принятые решения. Выход был найден в подключении к миротворчеству ООН. Европейский Союз совместно с ООН организовал переговоры между противоборствовавшими сторонами. Они проводи-

¹ Современная теория конфликта для аналитического описания завершения существующих противоборств использует теоретическую дихотомию: «урегулирование» – «разрешение» конфликта. Так, К. Митчелл отмечает: «Первый способ (урегулирование) представляет собой результат организованного успешного побуждения (или принуждения) одного из противников к тому или иному типу действий, выгодному другой стороне или посреднику. Достигнутый таким образом «мир», или компромисс, непрочен и недолговечен: поскольку исходная причина соперничества не устранена, постконфликтные отношения противников остаются чреватými новой вспышкой борьбы. Подлинным завершением конфликта с этой точки зрения может быть только его разрешение, которое достигается в процессе длительного обоюдного анализа противниками как истоков, так и содержания их спора; устойчивое равновесие сторон возникает как следствие фактического преодоления тех обстоятельств, которые породили конфликт, что позволяет установить новые отношения равновесия, удовлетворяющие обе стороны» (*Mitchell Ch. Necessitous man and conflict resolution: More basic questions about basic human needs theory // Burton J. (ed.) Conflict: Human needs theory. – London: The MacMillan Press Ltd., 1990. – P. 149–150.*)

лись в рамках Международной конференции по бывшей Югославии (МКБЮ). Конференция начала свою работу в сентябре 1991 г. Оперативной деятельностью занимались два сопредседателя координационного комитета, соответственно от ООН и Европейского Союза. В том же сентябре 1991 г. Совет безопасности ООН ввел эмбарго на поставки оружия и военного снаряжения в Югославию, которое затем распространилось и на выделившиеся из нее новые государства. Позиция международных посреднических структур в ходе этнических вооруженных конфликтов в Югославии очень часто не отличалась объективностью. Как правило, США и НАТО выступали на стороне противников руководства Югославии (сербов), фактически поддерживая сепаратизм и распад единого государства. Такая односторонняя позиция, естественно, критиковалась Россией, но большого значения для европейской политики это не имело.

В некоторых конфликтах, например в сербско-хорватском противостоянии, сегодня наметился переход к стадии разрешения: налаживается экономическое взаимодействие, президент Хорватии Степан Месич дает личные гарантии безопасности туризма для сербов, осуществляется возвращение беженцев (пока, правда, в небольшом количестве), официальные лица двух стран приносят взаимные извинения своим бывшим противникам и т. п. Эти сдвиги стали возможными после демократизации режимов в Сербии, Черногории (теперь это два независимых государства) и Хорватии.

Этнические вооруженные конфликты в постсоветских странах характеризуются отсутствием урегулирования (в смысле наличия политических решений), это ситуации замораживания¹ и прекращения вооруженных столкновений. Один конфликт (российско-чеченский) находится в стадии локальных вооруженных противостояний, несколько конфликтов являются потенциально взрывоопасными (например, грузино-абхазский, грузино-осетинский). Миротворческие российские контингенты заморозили ситуацию и препятствуют перерастанию конфликта в вооруженную стадию. Единственным конфликтом, который удалось вывести на стадию принятия политического решения в постсоветских странах, является осетино-ингушское противостояние на Северном Кавказе, но общая нестабильность в этом регионе не позволяет данное столкновение интерпретировать как завершенное. Так, в 2006–2007 гг. в этом конфликте уровень насилия и локального вооруженного противостояния впервые за последние годы возрос.

Все многообразие этнических противоборств на территории постсоветских стран можно свести к нескольким типам².

Во-первых, это территориальные конфликты, тесно связанные с воссоединением раздробленных в прошлом этнических групп. Примеры такого типа – конфликты в Нагорном Карабахе, в Южной Осетии, этническое движение лезгинов в Азербайджане и др. Сюда же относятся конфликты, связанные с вос-

¹ Понятие «консервация» мало распространено в исследованиях политических конфликтов, но автор данной статьи считает его необходимым и адекватным, когда речь идет об этнополитических вооруженных конфликтах в странах бывшего Советского Союза. Опыт подобных столкновений показывает, что ситуация не продвигается далее вывода конфликта из вооруженной стадии, хрупкий мир поддерживается обычно трехсторонними вооруженными формированиями, одной из этих сторон являются российские военнослужащие. Все миротворческие планы многочисленных посредников из СНГ и стран дальнего зарубежья не могут привести к нахождению политических решений, которые бы вывели противостояния из патовых ситуаций.

² В типологию не включены государства Центральной Азии.

становлением территориальных прав депортированных народов: спор между осетинами и ингушами из-за принадлежности Пригородного района, движение немцев России и СНГ за восстановление своей государственности в Поволжье. Последний конфликт сегодня практически полностью исчерпан в связи с массовой миграцией этнических немцев.

Во-вторых, это конфликты, порожденные стремлением этнического меньшинства реализовать право на самоопределение в форме создания независимого государственного образования. Таково положение в Абхазии, отчасти в Приднестровье.

В-третьих, это конфликты, в основе которых лежат притязания того или иного государства на часть территории соседнего государства, например стремление Эстонии и Латвии присоединить к себе ряд территорий Российской Федерации, которые, как известно, были включены в состав этих двух государств при провозглашении их независимости, а в 40-е годы XX в. перешли к РСФСР. Если ситуация с Латвией в основном урегулирована на политическом и дипломатическом уровнях, то приграничный спор с Эстонией далек от завершения.

В-четвертых, это конфликты, вызванные дискриминацией различных этнических групп в странах СНГ и Балтии. Это прежде всего столкновения, возникающие в связи с массовым притоком в той или иной регион беженцев и вынужденных переселенцев, или противоречия, связанные с этнократической политикой местных элит.

В-пятых, это конфликты, в основе которых лежат факторы исторического характера: происходившие в прошлом войны, произвольно установленные границы между этнотерриториальными образованиями, ошибки и промахи в этнополитике государства, дискриминации, обиды, унижения, нанесенные народам. Примером такого рода столкновений могут быть осетино-ингушский конфликт, татаро-башкирские языковые, культурные и территориальные противоречия.

Подобная типология этнических противоборств, естественно, носит идеально-типический характер, но она дает возможность, на наш взгляд, характеризовать контекстные рамки, в которых развиваются и урегулируются этнические вооруженные конфликты в постсоветских странах.

Таким образом, только в консолидированных демократиях или в их взаимодействии возможно «разрешение конфликта». На пути к этому находятся лишь некоторые страны Центральной и Восточной Европы, которые были подвержены вооруженным этническим конфликтам. Среди постсоветских стран нет ни одного государства, которое можно признать консолидированной демократией без оговорок, поэтому этнические вооруженные конфликты практически не урегулируются, а лишь замораживаются, о подлинном разрешении конфликтов не может быть и речи. При этом, не урегулировав политическим путем вооруженные этнические конфликты, постсоветские страны не могут претендовать на статус консолидированных демократий. Данное противоречие демонстрирует «концептные натяжки» транзитологической парадигмы и теории конфликта, вызывает сомнения в их универсальности. Можно даже предположить, что страны Центральной и Восточной Европы (за небольшим и, может быть, временным исключением) действительно совершили демократический транзит, а постсоветские страны (за небольшим исключением) не могут адекватно ин-

терпретироваться исследователями в транзитологической парадигме. Причины этого можно искать в цивилизационных различиях, социокультурных факторах: религии, менталитете, уровне развития, роли государства в общественной жизни и т. п.

Формы урегулирования этнических конфликтов

В теории политического конфликта, сформированной на основе опыта западных стран (консолидированных демократий), принято считать, что формы урегулирования этнического конфликта являются создание различного рода автономий (для различных меньшинств) и использование федералистских начал для решения этнических проблем. Автономия предполагает более низкий политический статус, который касается в основном культуры. А субъект федерации имеет политические права, поэтому федерализация – это более эффективный способ урегулирования конфликтов с их последующим возможным разрешением. Федерализм имеет определенные преимущества перед централизованными системами управления государством, так как способствует мобилизации местной активности и повышению эффективности управления за счет существования промежуточного уровня власти. Недостатками федерализма принято считать опасность сецессии различных территорий, возможную потерю контроля над регионами со стороны центрального правительства, увеличение бюрократии, асимметричность в правах и обязанностях субъектов федерации, что может способствовать возникновению новых этнических конфликтов.

Альтернативой этнического противостояния принято считать и так называемую консоциальную модель А. Лейпхарта [8], которая характерна, по его мнению, для таких стран, как Нидерланды, Австрия, Бельгия. Подобная модель подразумевает большую коалицию всех культурных групп, основанную на пропорциональности в должностях, автономии, блокировании решения другого этноса.

В этой связи, на наш взгляд, очень интересным представляется до сих пор не исследованный феномен непопулярности федерализма в посткоммунистических странах. В самом деле, новых федераций в этих государствах практически не создано. Некоторые исключения только подтверждают данное правило. Так, конфедерация Сербии и Черногории достаточно быстро потерпела крах и пришла к логичному распаду, федерация в Боснии и Герцеговине является конфессиональной и в основе своей далека от любой формы демократии. В постсоветских странах фактически единственным исключением из правила является попытка федерализации России, которая, пройдя стадию квазифедерализма, фактически вернулась на сегодняшний момент к состоянию полной централизации.

Для адекватного анализа такого феномена нужны специальные теоретические и эмпирические исследования. Но можно предположить, что причинами являются: негативный опыт коммунистического периода – господство этнического, а не территориального федерализма; недостаточный уровень развития плюралистической политической культуры, так как федерализм предполагает толерантность, гражданственность, готовность к компромиссам; неразвитость демократических институтов.

Еще одной важной причиной можно считать отсутствие национальной идентичности и полноценного суверенитета у некоторых постсоветских стран.

Для несостоявшихся государств актуально отсутствие государства как такового, а не федеративных принципов. Характерным примером является Грузия, которая не может позволить себе решать проблемы с сепаратистами с помощью федералистских принципов (создания конфедерации или федерации с Абхазией и Южной Осетией). Полного суверенитета как такового Грузия после объявления независимости не имеет, поскольку не осуществляет полный контроль над своей территорией, государственный аппарат функционирует крайне неэффективно, нет полноценной политической элиты. Определенные подвижки произошли лишь в последнее время, когда грузинскому руководству удалось настоять на выводе российских баз с территории страны, поставить под контроль Аджарию и Западную Грузию, создать марионеточные правительства в Абхазии и Южной Осетии, причем последнее из них имеет определенную популярность.

Поэтому в постсоветских странах лишь в отдельных случаях этническими группами достигается культурная автономия, а о федерализации и консоциальной модели рассуждают лишь ученые в своих теоретических построениях. Примерами культурных автономий, которые привели к урегулированию этнических конфликтов ненасильственного толка, могут служить случаи Гагаузии в Молдавии или предоставление национально-культурной автономии немцам Поволжья в России.

В приведенных выше примерах также присутствует «концептная натяжка», но уже не транзитологическая, а в теории политического конфликта, когда федерализм считается универсальной формой решения этнических противоборств, но при этом не учитывается, что в посткоммунистических странах отсутствуют социокультурные и политические предпосылки для этого. Наверное, политологи и конфликтологи применительно к этническим вооруженным конфликтам должны руководствоваться подходом, синтезирующим достижения западной цивилизации и наработки, связанные с учетом местного менталитета.

Конфликтность Южного Кавказа

Из трех конфликтных зон, выделенных нами в постсоветских странах, рассмотрим в качестве примера Южный Кавказ. В настоящий момент данный регион представляет собой территорию, включающую в свой состав три национальных государства, признанных мировым сообществом (Азербайджан, Армению, Грузию), три непризнанных государства (Абхазию, Нагорный Карабах, Южную Осетию), целый ряд разнообразных этнических групп, культур, языков и диалектов. Географическое положение региона определяет его периферийный статус. Южный Кавказ может рассматриваться как часть Азии, но с точки зрения политической его очень часто относят к Европе или европейской периферии. Периферийный статус несет различную по значимости нагрузку в геостратегических проектах Большой Европы и Большого Ближнего Востока, которые конструируются западными странами. Роль России в последние годы в регионе традиционно снижается, несмотря на общее укрепление позиций страны в мировом сообществе.

В европейском проекте Южный Кавказ представлен зоной, таящей в себе множество проблем, рисков и угроз для Европы. В числе их наиболее серьезные

три неурегулированных конфликта и низкий уровень демократии, а также возможность использования территории этого региона для транзита оружия, наркотиков, контрабанды и т. п. Государства Юго-Восточной Европы имеют тот же груз проблем, однако в силу исторических, географических, цивилизационных, а в последние 15 лет уже и политических факторов их разрешение стало общеевропейской задачей. Ведущие европейские государства посредством расширения НАТО и Европейского Союза доказывают свою готовность решать данные проблемы.

Этого не просматривается (во всяком случае сегодня) относительно европейских подходов к проблемам Южного Кавказа, и не следует ожидать, что Европа предпримет серьезные шаги для ускоренной интеграции региона, поскольку достаточно четко представляет допустимые и оправданные границы расширения.

Хотя Европейский Союз определяет в последних принятых документах Южный Кавказ как «новое соседство», он в целом пока не готов рассматривать государства этой зоны в качестве равноправных партнеров. Более того, для Европы данный регион не является привлекательным с экономической точки зрения. Однако по мере расширения своих границ Европейский Союз постоянно подчеркивает заинтересованность в стабильности на периферии, и единственным минусом в этом подходе может быть соблазн форсированного разрешения накопленных в регионе проблем, и в первую очередь урегулирования этнических вооруженных конфликтов. При определенном внутривнутриполитическом раскладе во властных или оппозиционных кругах в самих государствах Южного Кавказа может возникнуть желание использовать это «нетерпение» Запада в своих интересах. В этом случае результат может быть диаметрально противоположным – в потенциале дестабилизация ситуации в таких зонах, как Абхазия, Нагорный Карабах, Южная Осетия, а также активизация латентных конфликтов.

Несколько иная картина складывается при анализе проекта Большого Ближнего Востока. И здесь стоит начать с того, что его границы весьма расплывчаты. Включение или исключение государства или целого субрегиона напрямую связаны со стратегическими подходами сменяющих одна другую администраций США. Если в начале 90-х годов XX в. термин «Большой Ближний Восток» вбирал в себя арабские государства, Израиль, Иран с фокусировкой на разрешении арабо-израильского конфликта, то сегодня в этот макрорегион включаются уже и Пакистан, Афганистан, республики Центральной Азии и Южного Кавказа. Основные стратегические задачи – расширение сфер влияния, обеспечение беспрепятственного доступа к энергоресурсам, сосредоточенным в этом проблемном регионе, а также борьба с исламистскими террористическими организациями – решаются посредством сосредоточения в зоне Большого Ближнего Востока колоссальных политических, военных, экономических ресурсов, войн в Афганистане, в Ираке, жесткой политики в отношении Ирана. При этом включение Южного Кавказа в орбиту Большого Ближнего Востока очень и очень неоднозначно.

Во-первых, Южный Кавказ в контексте процессов, происходящих в ареале Большого Ближнего Востока, выглядит как едва ли не самая спокойная зона данного макрорегиона. При этом географическое расположение Южного Кавказа вызывает интерес к себе не только пересечением разного рода широко-масштабных экономических проектов по региональному и трансрегиональному

сотрудничеству, но и возможностью использования его территории как удобной «серой зоны» для транзита наркотиков, нелегальной миграции, трафикинга. Кроме того, исламистские террористические организации используют Азербайджан и населенные мусульманами регионы Грузии и России как перевалочный пункт на пути в Европу.

Во-вторых, военное присутствие США на Южном Кавказе становится все ощутимее, что с энтузиазмом воспринимается в Грузии и Азербайджане, со скепсисом – в Армении, с опаской – в России и откровенно негативно – в Иране; последние два государства рассматривают этот регион как зону своего влияния.

В-третьих, введение Южного Кавказа в орбиту Большого Ближнего Востока облегчает осуществление альтернативных энергетических и транспортных проектов. В отличие от европейских государств и, в еще большей степени, США, ни арабские государства, ни Иран не заинтересованы в их появлении.

В-четвертых, Азербайджан, Армения и Грузия заявили о своей готовности в той или иной степени содействовать силам коалиции в войне в Афганистане и участвовать в восстановлении Ирака. С учетом растущей волны террористических атак на Ближнем Востоке вообще и в частности в Ираке нельзя полностью исключать действий, направленных против представителей трех южнокавказских государств.

Стоит отметить и то, что цивилизационному выбору Армении и Грузии соответствует именно вхождение в расширяющуюся Европу; для Азербайджана, который является и членом организации Исламская Конференция, в религиозном и культурном аспектах более близок Большой Ближний Восток. Однако объективно государства Южного Кавказа (включая Азербайджан) плохо вписываются в схему Большого Ближнего Востока: Грузия полностью отрицает свою сопричастность процессам на Большом Ближнем Востоке; Азербайджан претендует на роль одного из основных поставщиков углеводородного топлива на западный рынок и, следовательно, вряд ли сможет стать «своим» на ближневосточном пространстве; Армения, напротив, не претендующая на роль «своего» и имеющая достаточно ограниченное поле для маневра, стремится использовать возможности, которые может дать участие в проекте Большого Ближнего Востока.

Таким образом, несмотря на то что Южный Кавказ находится на стыке двух макрорегионов, Армения, Азербайджан и Грузия в течение длительного периода будут оставаться на обочине политических и экономических процессов, поскольку не в состоянии реализовать свой потенциал. Европа не готова взять на себя всю ответственность за разрешение комплекса взаимозависимых и серьезных проблем региона и будет стараться ограничиваться отслеживанием соответствия или несоответствия демократических преобразований высоким европейским стандартам, отводя Южному Кавказу роль разграничительной линии с проблемным Ближним Востоком. Для государств же Ближнего Востока Южный Кавказ будет играть роль чужеродного и малопривлекательного с экономической и политической точек зрения придатка.

Замороженные конфликты являются одной из проблем современного постсоветского пространства. Три из пяти подобных конфликтов в странах СНГ – это удел Южного Кавказа. Ситуация в абхазском, осетинском и карабахском

конфликтах остается патовой. Замороженным является не только вооруженное противостояние сторон, но и процесс урегулирования конфликтов, что не может не вызывать опасений с точки зрения угрозы стабильности всего региона и постсоветского пространства.

Ведущая и общая причина тупика в замороженных конфликтах лежит в главном принципе, заложенном в процессы урегулирования, – праве на самоопределение народов в рамках территориальной целостности государства. Право на самоопределение народов, узаконенное резолюцией ООН 14 декабря 1960 г. в процессе развала колониального мироустройства, входит в противоречие с территориальной целостностью государств, зафиксированной на международном уровне в последний раз 1 августа 1975 г. в Хельсинкском заключительном акте СБСЕ.

Политологи и конфликтологи традиционно считают, что этнический фактор присутствует в большинстве современных внутренних вооруженных конфликтов [1, с. 19–26; 2, р. 212–244]. Межэтническое противоборство – это важнейший признак этнического вооруженного конфликта. В некоторых внутренних вооруженных конфликтах на постсоветском пространстве этнический фактор находится на втором плане. Для региона Южного Кавказа характерны в основном противоположные тенденции.

Россия за последние годы потеряла большую часть своего влияния на Южном Кавказе. По сравнению с 90-ми годами XX в. Российская Федерация сохранила значительное влияние лишь в Армении, Абхазии, части Южной Осетии. Даже в Нагорном Карабахе присутствие России фактически сведено к нулю. США, Европейский Союз, Иран, Турция активно осваивают прежние зоны российского влияния.

Свои позиции в рассматриваемом регионе Российская Федерация теряет не в последнюю очередь из-за снижения числа этнических русских в государствах Южного Кавказа. За последние десятилетия число русских сократилось в Армении и составляет всего несколько тысяч человек среди 90 тысяч неармян, проживающих в стране. Русская диаспора в Грузии насчитывает не более 70 тысяч человек и сократилась довольно значительно. В 3–4 раза уменьшилось количество русских жителей в Азербайджане, в советское время их было там 400 тысяч человек. Русский язык практически вытеснен на периферию общественной жизни всех государств Южного Кавказа.

Некоторые аналитики справедливо отмечают, что фактор разновекторной внешнеполитической ориентации является негативным для урегулирования замороженных конфликтов Южного Кавказа, отсюда следует неприятный для России вывод, что ее присутствие в регионе делает невозможным мирное решение существующих противоборств, в отличие от посреднических перспектив блока НАТО [9].

Возможности урегулирования конфликтов на Южном Кавказе

Возможны и другие точки зрения на способы политического урегулирования этнических вооруженных конфликтов. Например, те, которые предлагает известный норвежский конфликтолог Й. Галтунг [10] для региона Южного Кавказа. Эти методы представляются нам более эффективными, чем «заморажи-

вание конфликтов», предложенное Россией, или посредничество НАТО и США (с введением миротворческих соединений, возможным применением насилия), что неприемлемо с точки зрения национальных интересов Российской Федерации.

Основные идеи Й. Галтунга применительно к региону Южного Кавказа можно сформулировать с помощью следующих положений [10, с. 5].

– ключ к трансформации конфликтов мирными средствами лежит в сотрудничестве, основанном на демократии и правах человека;

– при трех государствах и двадцати восьми народах в регионе любая из частей слишком слаба, чтобы выжить одной в современном мире;

– все составные части региона могут дополнять друг друга экономически и культурно, противостоять политическому давлению извне.

Особенно полезными, по мнению норвежского исследователя, для данной цели могут быть следующие миротворческие предложения: формирование кавказского гражданского общества; создание Кавказской Конфедерации между шестью членами (Грузия, Армения, Азербайджан, Абхазия, Осетия, Нагорный Карабах); введение двойного гражданства [10, с. 5].

Подобные допущения, на наш взгляд, позволяют выйти за пределы традиционной оценки региона через призму геополитических интересов ведущих государств мира и рассматривать Южный Кавказ как отдельную мультикультурную территориальную общность.

Принципиально в ином плане рассматривается и роль самих ведущих государств мира в регионе Южного Кавказа. США, Турция, Иран, Франция, Россия и др. приглашаются в регион в качестве наблюдателей, если они того желают, но не в качестве государств, принимающих решения, даже не в качестве посредников. По нашему мнению, данную идею Й. Галтунга необходимо дополнить конкретным механизмом ее возможной реализации. Представляется, что в качестве такового может использоваться система международных договоров между заинтересованными государствами.

Согласно Й. Галтунгу, «основным предметом сотрудничества на Кавказе является безопасность, а основной подход возможен был бы через сотрудничество и диалог» [10, с. 5–6]. Конкретные меры по реализации данного положения можно свести к следующему:

– создание Организации по Безопасности и Сотрудничеству на Южном Кавказе (К/ОБСК), на панкавказском уровне, при наличии постоянного Совета Безопасности и под эгидой ОБСЕ;

– приглашение этнических меньшинств, которые чувствуют себя ущемленными внутри какого-либо государства, для защиты своих интересов на панкавказском уровне, вместе с другими кавказцами, служащими в качестве посредников;

– создание Кавказского Парламента (Южного Кавказа), который поднял бы такой вопрос: должны ли его члены быть назначены парламентами государств или избраны народным голосованием [10, с. 5].

Й. Галтунг предлагает две возможные модели будущего Кавказского Парламента, известные из мировой политической практики [10, с. 6]. Первая основывается на опыте Скандинавского Совета, который включает пять независи-

мых стран (Данию, Норвегию, Швецию, Финляндию, Исландию), одну полунезависимую (Гренландию), две островные группы, которые являются частью Дании (Фарерские острова) и Финляндии (шведско-говорящие, нейтральные Аландские острова), и один народ, охватывающий три страны – Норвегию, Швецию и Финляндию (Sami). На наш взгляд, структура «парламента Скандинавии» достаточно необычна и формально похожа на ситуацию Южного Кавказа, но подобная модель и попытки ее внедрения должны быть очень осторожными. Во-первых, скандинавское понимание демократии вполне вписывается в систему западных ценностей и основано на толерантности и взаимном уважении; во-вторых, кавказский «культурный менталитет» как раз противостоит западному и основан на трех чертах, являющихся препятствием для любого мирного процесса: это наличие воинственного менталитета, менталитета «начальника» и менталитета «жертвы».

Другая модель Кавказского Парламента, предлагаемая Й. Галтунгом, предполагает наличие двух палат: одна из них для государств, а другая – для народов Кавказа. Последняя могла бы служить выражению интересов или принятию решений с определенным институциональным механизмом в случае разногласий между двумя палатами. Эта модель, на наш взгляд, более реалистична, напоминает по форме советскую практику, через которую прошли все народы Южного Кавказа, и предполагает соблюдение хотя бы относительного баланса интересов.

По мнению Й. Галтунга, особым делом Кавказского Парламента могли бы быть возможности для двойного гражданства – одного для государства, в котором личность проживает, а другого для государства того этноса, к которому личность себя относит. Особое внимание могло бы быть уделено проблемам двойного голосования, военной службы и налогов [10, с. 6].

Создание особой «территории мира» является, на наш взгляд, еще одним оригинальным предложением норвежского исследователя. Суть идеи Й. Галтунга сводится к нижеследующим положениям [10, с. 6]. Три страны Южного Кавказа (Азербайджан, Армения и Грузия) имеют общую точку пересечения границ (так называемый Красный мост) – редконаселенную территорию с равнинной местностью. Если бы в каждой стране возможно было выделение нескольких квадратных километров для зоны сотрудничества, развития и мира вокруг этой точки (при сохранении собственников каждой из этих частей), то кавказское сотрудничество могло бы быстро продвигаться от деклараций к реальности.

В культурном отношении эта зона могла бы стать зрелищем для главных фестивалей культуры, и не только для молодежи, с сочетанием музыки и пения с диалогами (скажем, в группах по десять человек), дающими конкретные идеи сотрудничества, развития и мира, дающими призывы за лучшие идеи, вручение их политикам в качестве дара от народа – все это соответствует целям ЮНЕСКО: культура мира. Также могли бы проводиться постоянно действующие выставки и экуменические диалоги.

В экономическом отношении эта зона могла бы включать региональный аэропорт с хорошими автомагистралями между тремя столицами (таким образом также объединяющими их друг с другом). Международные авиалинии, не свя-

зывающие три страны, могли бы также быть привлекательны посредством региональных возможностей (в будущем важной могла бы стать и местная кавказская авиалиния). По примеру японских моделей необходимой была бы экономическая зона для совместных предприятий, в частности в экспортном секторе.

Зона была бы демилитаризированной или по крайней мере свободной от каких-либо наступательных вооружений. Стоило бы рассмотреть и идею создания тренировочного комплекса для Кавказских Миротворческих Сил.

В политическом отношении это могла бы быть нейтральная территория, на которой размещались бы кавказские институты по функциональному сотрудничеству в таких областях, как окружающая среда или безопасность (к примеру, Организация по Безопасности и Сотрудничеству на Кавказе под эгидой ОБСЕ или Кавказского Совета Безопасности). Если регион провозгласит себя как единое сообщество, то эта территория может быть местонахождением Кавказского Парламента.

Таковы основные предложения Й. Галтунга. Многие из них представляются достаточно спорными (особенно те, которые связаны с политикой и геополитикой). При этом создание на практике демилитаризованной «территории мира», где бы развивалось экономическое и культурное сотрудничество, а затем и формирование единого политического сообщества Южного Кавказа могло бы, на наш взгляд, стать способом урегулирования системного кризиса региона, и в частности этнических вооруженных конфликтов.

Таким образом, парадигма транзита достаточно удачно экстраполирована на регион Центральной и Восточной Европы. Тот материал, который был накоплен учеными при изучении Латинской Америки и Южной Европы, в основном адекватно реализуется при анализе ситуации в данных странах. Это же относится и к частной проблеме исследования этнических вооруженных конфликтов.

В постсоветских странах, имеющих большую социокультурную и политическую специфику, чем обозначенные выше регионы мира, парадигма транзита не показывает своей исследовательской эффективности. С этой точки зрения, необходимо к ней добавить опыт, накопленный в странах Центральной и Восточной Европы и только потом прикладывать научные схемы к практикам постсоветских стран.

При этом нужно помнить, что многие теоретики транзита говорили о возможности различных его результатов, в том числе и авторитарных [1, 11, 12]. Наверное, с помощью модернизированных концептов транзита можно будет объяснить авторитарный вектор развития большинства постсоветских стран, и в частности этнический национализм как фактор, тормозящий демократизацию.

Представляется, что при изучении этнических вооруженных конфликтов в постсоветских странах более продуктивным будет исследование возможностей перевода ситуации из стадии замораживания в процесс урегулирования, что должно способствовать стабилизации политических режимов и успешной экономической модернизации постсоветских стран.

Summary

A.G. Bolshakov. Ethnic Confrontations in the Post-communist Countries: the Basic Tendencies of Progress and Possibility of Regulation (Regional Aspect).

Process of transit of the post-communist countries to democracy/authoritarianism is extremely complicated. Transitology paradigm, which has reasonably explained transition to democracy of the countries of the Southern Europe and Latin America came across some difficulties when interpreting the processes in Central and Eastern Europe, especially in the post-Soviet states. The article views the opportunities and costs of transitology paradigms on the example of ethnic confrontations in the post-communist countries. Special attention is given to the development and regulation of conflicts in Southern Caucasus region.

Key words: autonomy, democratic transit, ethnic armed conflict, federalism, internal armed conflict, region, settlement of the conflict, Southern Caucasus, the frozen conflict, the resolution of conflict.

Литература

1. *Карл Т.Л., Шмиттер Ф.* Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) // Полит. исслед. – 2004. – № 4. – С. 6–27.
2. *McFaul M.* The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship: Noncooperative Transitions in the Postcommunist World // *World Politics*. – 2002. – V. 54, No 2. – P. 212–244.
3. *Bunce V.* Subversive Institutions: Comparative Democratization: Big and Bounded Generalizations // *Comparative Political Studies*. – 2000. – V. 33, No 6–7. – P. 703–734.
4. *Макаренко Б.И.* Консолидация демократии: «детские болезни» постсоветских государств // *Полития*. – 2002–2003 (зима). – № 4. – С. 5–18.
5. *Мельвиль А.Ю.* О траекториях посткоммунистических трансформаций // *Полит. исслед.* – 2004. – № 2. – С. 64–75.
6. Новые демократии и/или новые автократии? (Материалы круглого стола) // *Полит. исслед.* – 2004. – № 1. – С. 169–177.
7. Третий электоральный цикл в России (Заочный круглый стол) // *Полит. исслед.* – 2004. – № 1. – С. 6–73.
8. *Lijphart A.* Democracies: Forms, Performance and Constitutional Engineering // *Eur. J. Polit. Res.* – 1994. – V. 25, No 1. – P. 36–57.
9. *Симонян Ю.* Южнокавказский тупик // *Независ. газ.* – 2007. – № 226. – 22 окт.
10. *Галтунг Й.* Некоторые наблюдения на Кавказе: Текст лекции (на англ. и рус. яз.). – Тбилиси, 2000. – 7 с.
11. *Даль Р.* Демократия и ее критики / Пер. с англ.; под ред. М.В. Ильина. – М.: РОССПЭН, 2003. – 576 с.
12. *Пшевворский А.* Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке / Пер. с англ.; под ред. проф. В.А. Бажанова. – М.: РОССПЭН, 2003. – 319 с.

Поступила в редакцию
12.02.08

Большаков Андрей Георгиевич – кандидат социологических наук, доцент, докторант кафедры политологии Казанского государственного университета.
E-mail: bolshakov_andrei@mail.ru